

ЗАМЕТКИ О К.В. ПИГАРЕВЕ

Инна Королева

Впервые я увидела Кирилла Васильевича в апреле 1960 года. Я тогда была студенткой филологического факультета Московского университета. Он назначил встречу в Собиновском переулке, где тогда жили Пигаревы, чтобы поговорить о работе в Мурановском музее. (Приближалось лето, и Кирилл Васильевич искал экскурсоводов.) Его задержали в Управлении культуры, и он пришел несколько позже назначенного времени. И вот когда он появился на пороге комнаты, то первое, что бросилось в глаза, — это светлая, открытая, добрая улыбка. Таким он и вошел в мою жизнь. Через двадцать четыре года в апреле 1984-го (в день его рождения) такую же улыбку я увидела в последний раз, когда навещала больного Кирилла Васильевича. Она и сейчас сопровождает меня.

Доброжелательность, приветливость были неизменными человеческими чертами характера Кирилла Васильевича. Будучи человеком мягким, он всегда сохранял в то же время твердость и принципиальность. Ровный, спокойный тон — вот что было главным в отношениях Кирилла Васильевича как с сотрудниками, так и с каждым, кто знал его. Надо было сделать что-то выходящее из нормы, чтобы вывести его из себя. Таких примеров можно привести немного. Он никогда не ставил человека в неловкое положение — редкостное благородство и деликатность. С ним всегда было легко, свободно и спокойно.

Жизнь, насыщенная многообразными интересами, окружала нас в Муранове. И центром этой жизни был Кирилл Васильевич. Следуя старым семейным традициям, по вечерам во флигеле читалась классика: Пушкин (особенно любил Кирилл Васильевич «Бориса Годунова»), Гоголь и др. Долгими зимними вечерами играли в «литераторов». Любил Кирилл Васильевич устраивать экзамены молодым сотрудникам на знание русской поэзии. Приведет какую-нибудь цитату и спросит: «Кто автор?» Не чужд Кирилл Ва-

сильевич был шутке и розыгрышу. У меня сохранились шуточные стихи, сочиненные им во время чаепития:

Прекрасен чай,
Когда селедка
Вам желчно гложет пищевод.

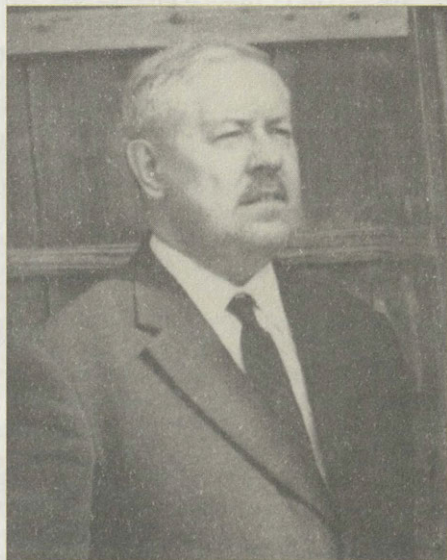
Или:

Прекрасный помидор, разрезанный на части,
Подносится к моей разверзнувшейся пасти.

И это тоже была одна из мурановских традиций. В мемориальном архиве музея сохранились стихи и рисунки И.Ф. Тютчева, сына поэта и деда Кирилла Васильевича, обращенные к жене и детям.

Но в основном все силы и все время отдавались музею. Днем — экскурсии, вечером — составление картотек, чтение и обсуждение новых книг о Тютчеве и Боратынском, дипломные, курсовые. Отдыхал Кирилл Васильевич мало, годами не бывал в отпуске. А работа напряженная была и в институте ИМЛИ, и в музее. Он очень тяжело переживал, что не смог многое реализовать из задуманного: книгу «Тютчев и его время», «Мурановский сборник». Не увидел он и появление тютчевского тома «Литературного наследства» (вышедшего в 1988—1989 гг.), инициатором издания которого он был. Еще в 1973 году Кирилл Васильевич поместил первую публикацию в «Известиях АН СССР. Серия литературы и языка» для будущего тома «Литературного наследства». Он был очень рад участию сотрудников музея в этом издании.

В последние годы невольно задаешь себе вопрос: как бы поступил Кирилл Васильевич в тех или иных жизненных ситуациях? И ощущение пустоты, оставшееся после ухода Кирилла Васильевича, не проходит.

К.В. Пигарев. Фотография. 1970

1996 г.